

Я. А. Глухий, С. В. Глушков, А. К. Столярова

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ ТРЕХ САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ (ЭНЦЕВ, НГАНАСАН, СЕЛЬКУПОВ)

Современное теоретическое языкознание уже давно обращается к фактам ранее мало известных науке языков, не имеющих письменной формы. В данной статье рассматриваются экспериментально-фонетические исследования реализации гласных и согласных фонем в языке энцев, нганасан, селькупов. Мы понимаем, что настоящие инновационные лингвистические исследования могут дать новые результаты, которые принесут лучшие познания этих языков и их структуры.

Ключевые слова: *аборигены Сибири: энцы, нганасаны, селькупы; аудиовизуальный метод, дистрибутивный метод, фонема.*

Современное теоретическое языкознание уже давно обращается к фактам ранее мало известных науке бесписьменных языков. Территория Западной Сибири представляет особенный интерес для изучения взаимодействия языков, так как здесь с древнейших времен проживают народы, языки которых относятся к различным языковым группам.

С бурным развитием окраинных районов сибирского Севера возрастает и процесс ассимиляции разноязычного населения; по этой причине возрастает тенденция перехода малочисленных северных народностей на соседние языки, ускоряются процессы ассимиляции и исчезновения некоторых из малочисленных языков. Актуальность проблемы обусловлена, несомненно, все большим интересом к языкам народов Сибири. Язык любого народа, даже самого маленького, является бесценным источником его культурного наследия.

По языкам аборигенов Сибири в течение ряда лет в Томском государственном педагогическом институте (ТГПИ) (впоследствии – университете) велись исследования, являвшиеся составной частью проблемы происхождения сибирских народностей и их языков. Решение этой проблемы возможно лишь при участии большой армии ученых: историков, археологов, этнографов, топонимистов, антропологов и лингвистов [1, с. 82]. Разработанный профессором А. П. Дульзоном и опубликованный в 1952 г. «Перспективный план комплексного изучения истории аборигенов Сибири и их языков» явился отправным пунктом в исследовании аборигенных языков при ТГПИ. Выполнение этого плана сыграло огромную роль в типологическом и генетическом сопоставлении этих языков.

С организацией Сибирского отделения Академии наук изучение сибирских языков стало также осуществляться отделом филологии при Институте истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения АН СССР. Исследования по энецкому и нганасанскому языкам, освещенные в настоящей работе, были начаты в ТГПИ, затем продолжены и выполнены в Лаборатории эксперимен-

тально-фонетических исследований (ЛЭФИ) при ИИФФ СО АН СССР под руководством заведующего ЛЭФИ В. М. Наделяева.

Целью работ по экспериментально-фонетическому исследованию реализаций гласных и согласных фонем в языках энцев, нганасан и селькупов является объективное синхронное описание вокалической и консонантной подсистем и их фонологическая интерпретация. В данной работе представлены только результаты анализа фонетических единиц, полученные без привлечения экспериментальных средств. Подробный анализ дистрибуции представлен в монографии [2]. Экспериментальные (инструментальные) данные также планируется представить отдельной работой, что поможет уточнить и выявить ряды звуковых соответствий, позволит инструментально определить конститутивно-дифференциальные признаки согласных фонем, сделает возможным точно охарактеризовать артикуляционную базу языка – основу основ его звуковой системы.

Общим фоном экспериментально фонетических методов, призванных помочь исследователю, служит субъективный метод. «Человеческое ухо до сих пор во многих отношениях превосходит технические анализаторы и является необходимым инструментом акустической фонетики» [3, с. 231]. Кроме того, слуховой метод никоим образом не противопоставлен экспериментальному [4] и не может быть вынесен за пределы фонетического исследования [5].

Таким образом, все исследование велось аудиовизуальным методом с применением инструментально-фонетических приемов. Соматические приемы в отношении нганасанского и энецкого материала основывались на палатографировании артикуляционных органов и рентгеносъемке речевого аппарата. Электроакустический прием пневмоосциллографирования основан на преобразовании звуковых колебаний в электрические колебания. Состав фонем определялся посредством дистрибутивного анализа и анализа квазиомонимов на ос-

новании правил выделения фонем Н. С. Трубецкого [6]. Упомянутые инструментальные приемы [7] и их конкретное применение на материале языков Сибири были освоены и дополнены рядом существенных особенностей в ЛЭФИ при ИИФФ СО АН СССР, подробно освещались в лекциях по фонетике, прочитанных заведующим лабораторией В. М. Наделяевым, также описаны другими авторами [8].

Представим сначала анализ дистрибуции согласных диалекта бай энецкого языка. Этот анализ в основном подтверждает наблюдения предыдущих исследователей и вместе с тем позволяет точно определить фонемный состав консонантной подсистемы в диалекте бай энецкого языка.

Акустические характеристики согласных фонем, выделенных дистрибутивным анализом и представленных ниже, основываются на слуховом восприятии исследователя звуков энецкого языка.

На основе записанных материалов в изучаемом диалекте фонически выделяются 26 согласных звуков (в действительности на фоническом уровне проанализировано 39 согласных звуков, а не 26. Вычет палатализованных оттенков согласных как раз и дает искомые 26 согласных звуков).

Описание согласных звуков дается по активному органу их настройки с дифференциацией следующих подгрупп согласных:

- 1) губные – b, p, m (3);
- 2) переднеязычные – $d, t, \delta, \theta, n, l, r$ (7);
- 3) среднеязычные – $\acute{s}, \acute{s}, \acute{d}, \acute{z}, \acute{t}, \acute{c}, j, l, \acute{n}$ (9);
- 4) заднеязычные – g, k, η (3);
- 5) глоточные – γ, χ (2);
- 6) гортанные – $?, \acute{?}$ (2).

В предварительном порядке все указанные согласные в диалекте бай энецкого языка были условно разделены на шумные и сонорные. Шумные согласные воспринимаются на слух исследователя (через призму русской фонетической системы) как звонкие и глухие, поэтому выделенные по слуховому восприятию группы согласных также в предварительном порядке были разделены на три ряда: C_1 – шумные звонкие согласные, C_2 – шумные глухие согласные, C_3 – сонорные согласные.

Дистрибутивный анализ 26 согласных звуков, функционирующих в речи носителей диалекта бай энецкого языка, позволил констатировать следующее:

1) в абсолютном начале слова не используются шумные звонкие звуки: d, δ, g, γ шумные глухие: $\acute{s}, \acute{\chi}, \acute{?}, \acute{?}$; сонорные: r, j ;

2) в абсолютном начале слова, как и в других самодийских языках, нет сочетания согласных;

3) в медиально-интервокальной позиции употребляются все звуки, за исключением $\acute{s}$;

4) в абсолютном исходе слова функционируют почти все согласные, кроме $\acute{z}, \gamma, \acute{\chi}, l, \eta$; факультативно (при редукции конца слова) используются согласные p, g, k, m ;

5) в абсолютном конце слова встречаются сочетания постпозитивного гортанного согласного $?$ с препозитивными звонкими шумными d и δ , сонорными $m, n, r, \acute{n}, j$, а также сочетания постпозитивного r с препозитивным j ;

6) медиальные сочетания согласных на стыке слогов ограничены следующими типами: сонорный + шумный (звонкий или глухой); шумный (звонкий или глухой) + сонорный; шумный (глухой) + шумный (глухой). В этой позиции нет сочетания типа шумный глухой + шумный звонкий и предельно ограничены сочетания типа шумный звонкий + шумный звонкий. В сочетании двух согласных: шумный звонкий + шумный глухой (в результате редукции гласного, их разделяющего), как правило, первый шумный звонкий заменяется гоморганным шумным глухим;

7) все согласные, кроме среднеязычных и гортанных, в позиции перед гласным i сильно палатализованы, перед e – палатализованы (слабее, чем перед i);

8) в диалекте бай энецкого языка, подобно другим самодийским языкам [9], для селькупского материала [10], при заимствовании русских слов со стечением согласных в начале слова происходит их фонетическая адаптация, в процессе которой один из начальных согласных отпадает или между согласными появляется эпентетический гласный звук, например: *tol* ‘стол (< рус.)’, *kobrut* ‘сковородка (< рус.)’, *kap* ‘шкаф (< рус.)’, *portoku* ‘протока (< рус.)’. При заимствовании русских слов с двумя согласными в исходе слова в произношении носителей энецкого языка наблюдается прибавление конечного гласного, если эти согласные представляют собой сочетание сонанта и шумного, ср.: *tolba* ‘столб (< рус.)’, *pirta* ‘спирт (< рус.)’, и отпадение одного из согласных, если эти согласные оба шумные, например: *goboθ/goboš* ‘гвоздь (< рус.)’, *pilat* ‘пласт (< рус.)’.

На основе анализа дистрибуции звуков в энецких основах и словоформах с опорой на их морфологическую структуру в подсистеме согласных диалекта бай энецкого языка была выделена 21 фонема. Для последующего экспериментального описания и на основе субъективного восприятия исследователя деление фонем на шумные и сонорные было скорректировано; фонемы были разделены на группу шумных (парные $b - p, d - t, \delta - \theta, \acute{d} - \acute{c}, g - k$ и непарные $\acute{s}, \gamma, \acute{\chi}$) и на группу малозвонких (носовые $m, n, \acute{n}, \eta$ и ртовые r, l, l, j).

Предваряя изложение результатов дистрибутивного анализа согласных авамских нганасан, охарактеризуем кратко программы сбора материала по этому языку. На основании экспериментально-

фонетических методов, приемов и выдвинутых задач исследования языка авамских нганасан были составлены четыре программы исследования: 1) программа погирования, составленная с учетом всевозможных позиционно-комбинаторных использований согласных звуков – свыше 700 слов; 2) программа дентопалатографиования, состоящая из 60 словоформ, подобранных с таким расчетом, чтобы отпечаток соседнего звука не накладывался на палатограмму исследуемого; 3) программа рентнографиования – 25 словоформ; 4) программа кинорентнографиования, состоящая из 36 слов (данные этой программы не обработаны).

Конкретным языковым материалом для составления программ по языку авамских нганасан явились полевые записи, выполненные в экспедициях по сбору фольклора, образцов речи по специальной программе, разработанной профессором ТГПИ А. П. Дульзоном для языков Сибири. Эти экспедиции организовывались начиная с 1968 г. в ТГПИ под руководством А. П. Дульзона, и в результате поездок был собран языковой материал общим объемом 11 томов (каждый в отдельности включает 500–600 страниц). Для сравнения привлекался материал словаря М. А. Кастрена [11], опубликованные материалы Г. Н. Прокофьева и Н. М. Терещенко [12, 13].

Изучение дистрибуции звуков в звуковых оболочках слов по слуховому восприятию позволило сделать следующие выводы в отношении языка авамских нганасан:

1) на основании правил выделения фонем Н. С. Трубецкого для языка авамских нганасан можно отметить в подсистеме согласных 17 фонем: /b/, /m/, /t/, /δ/, /n/, /l/, /r/, /č/, /d/, /l̥/, /n̥/, /s/, /k/, /g/, /ŋ/, /χ/, /ʔ/, которые реализуются в 38 оттенках (см. начало данной статьи);

2) в инициальной позиции перед гласным употребляются оттенки 13 фонем: /b/, /m/, /t/, /s/, /n/, /l/, /č/, /d/, /n̥/, /l̥/, /k/, /ŋ/, /χ/; в интервокальной позиции используются оттенки всех согласных фонем; в финальной позиции встречаются оттенки только пяти фонем: /m/, /r/, /d̥/, /ŋ/, /ʔ/;

3) стечение согласных в начальной и финальной позициях (не в потоке речи) в нганасанских словоформах совершенно недопустимо; в медиальных сочетаниях прослеживаются следующие сочетания согласных: сонант + шумный, сонант + сонант, шумный + шумный; комбинации из трех согласных не наблюдаются.

Целью фонологического исследования гласных, проведенного на материале селькупского языка, являлось определение фонологического статуса признака длительности в подсистеме вокализма: был проведен анализ дистрибуции гласных в диалектах языка селькупов, были выявлены минимальные

фонологические пары слов, различающиеся только длительностью одного из гласных сегментов. Дистрибутивные данные получены по материалам кетского (сюсюкумского), нарымского (чумылькупского) и тазовского (собственно селькупского) диалектов. Материал нарымского диалекта представлен главным образом кёнгинским говором (с пометой «Кёнг.»), там, где сборов по этому говору недостаточно, использовались данные «основного» нарымского ареала с учетом необходимых идиолектных отличий и с обязательной пометой «нар.» для каждого случая. При рассмотрении квазиомонимических пар слов также привлекался материал (средне)обского (шёшкупского) диалекта селькупского языка. Таким образом, в представленный анализ попадают наиболее крупные представители всех локальных селькупских групп: южных (кетский диалект), центральных (нарымский и (средне)обской диалекты), северных (тазовский диалект).

Анализ распределения долгих и кратких гласных альтернантов проводился по критериям, которые при первичном рассмотрении оказывали значительное влияние на долготные характеристики вокализма. Такими критериями, характеризующими фонетический контекст, являются: 1) позиция в слове; 2) открытость или закрытость слога; 3) долготные характеристики последующего согласного; 4) долготные характеристики предшествующего согласного. То есть в совокупности были рассмотрены все возможные контексты употребления как долгих, так и кратких гласных всех основных территориальных подразделений селькупского языка.

Следуя принципам фонологического анализа и правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого [6, с. 372], посредством дистрибутивного анализа устанавливаются условия употребления долгих и кратких гласных, а также позиции, зависящие или независимые от фонетического окружения. Наряду с наличием или отсутствием минимальных фонологических пар это является достаточным и необходимым для вынесения того или иного фонологического решения.

Представим минимальные (квазиомонимические) фонологические пары слов кетского (сюсюкумского), тазовского (собственно селькупского), (средне)обского (шёшкупского) и нарымского (чумылькупского) диалектов селькупского языка, различающихся по признаку «длительность/краткость гласных».

В кетском диалекте [14] минимальными фонологическими парами являются: *pī* 'ночь' – *pī̄* 'лоскутки, обломки, старье'; *tep* 'он' – *tēp* 'может быть'; *kijl̥in* 'яма' (род. п. ед. ч.) – *kīl̥in* 'грудь' (род. п. ед. ч.); *qam* 'ткань, полог' – *qām* 'чешуя'; *nanž̥i* 'по-

дол' – *nānžj* 'живот'; *narj* 'тальник' – *nārj* 'красный'; *qura* 'кикимора' – *qūra* 'смешанный лес'; *riqqa* 'шишка' – *pūqqa* 'пузырь'; *čigu* 'таять' – *čūgu* 'запирать (реку)'; *qo* 'для' – *qō* 'ухо'.

В тазовском диалекте [15, с. 408] имеются следующие минимальные фонологические пары: *šiti* 'сырок (рыба)' – *šiti* '(его) пена'; *šeli* 'свояк' – *šeli* 'твой язык'; *sā* 'побудительная частица (при оптативе)' – *sā* 'черный'; *siri* 'снег' – *siri* 'корова'; *kel* 'зимний' – *kēl* (2) 'лишний, избыточный; плес'; *eti* 'ждать' – *eti* 'кричать (об оленях)'; *mati* 'обрыв, расщелина' – *māti*- основа глагола *māti* 'нарубить, нарезать'; *kuri* 'горностаи' – *kūri* 'грань'; *uki*- 'вперед (основа послелогов)' – *ūki* 'нос'; *kora* 'изгиб реки, меандр' – *kōra* 'песок'; *tonti* 'запруда' – *tōnti* 'в озеро (дат. или илл.п. ед.ч.)'; *ūtīl* 'водный' – *ūtīl* 'вечерний'; *tū* 'огонь' – *tū* 'слой'; *tōkam* '(мой) клин' – *tōkam* 'гуся (вин.п. ед.ч.)'; *sičj* 'уголь' – *sīčj* 'сердце'; *teti* 'место между подбородком и горлом' – *tēti* '(его) гной'.

В (средне)обском диалекте [16] минимальные фонологические пары представлены словами: *tit* 'туха' – *tīt* 'прут, ветка тальника'; *qet* 'ноготь' – *qēt* 'лоб'; *kap* 'кровь' – *kāp* 'прут для высекания огня'; *mat* 'я' – *māt* 'дом'; *tat* 'ты' – *tāt* 'прямой'; *tatku* 'принести' – *tātku* 'гулять'; *tap* 'он' – *tāp* 'комель'; *ku* 'куда' – *kū* 'повод'; *puti* 'бобер' – *pūti* 'нутро'; *tut* 'карась' – *tūt* 'крыло (его)'; *to* 'озеро' – *tō* 'прочь'; *top* 'нога' – *tōp* 'край'; *qōw* 'пальник (птица)' – *qōw* 'быстрина'; *pōj* 'жаркий' – *pōj* 'каменный'; *tōt* 'кал' – *tōt* 'выдра'.

В нарымском диалекте [17, с. 49] в качестве минимальных фонологических пар соотносятся: Кёнг. *kil* 'могила' – *kīl* 'грудь'; *mat* 'я' – *māt* 'дом'; *qat/qad* 'коготь, ноготь' – *qāt/qād* 'лоб'; *riqqa* 'шишка' – *pūqqa* 'пузырь'; *nor/nob* 'бог' – *nōp/nōb* 'рукавица'; *tōt* 'кал' – *tōt* 'выдра'.

Известно, что в обских говорах нарымского диалекта слова, представленные в качестве минимальных пар по длительности гласного (например: *qat/qad* 'коготь, ноготь' – *qāt/qād* 'лоб', *nor/nob* 'бог' – *nōp/nōb* 'рукавица'), зачастую интерпретируются как представляющие фонологически релевантную оппозицию глухих и звонких согласных, т. е., в частности, ласк. *qad* – *qat/qāt*, *nor* – *nob* соответственно. Звонкие и глухие согласные, таким образом, в этих говорах рассматриваются в качестве представителей разных фонем [18]. Хотя нет как будто бы никаких причин специально опровергать это мнение или приводить значительное количество противоречащих такому выводу данных, все-таки необходимо отметить, что в другом центральном диалекте – тымском (самоназвание носителей диалекта – чумьлькупы) – глухость/звонкость согласных признается недифференциальным признаком [19], при этом фонологически различаются долгие

и краткие гласные, что можно расширить (как это видно из фонологических интерпретаций Х. Катца) и на нарымский ареал.

Мы более склонны доверять в этом отношении мнению Х. Катца, который специально и объемно занимался подиалектной фонологической трактовкой селькупского материала. К тому же такая трактовка согласуется и с нашими собственными данными по тымскому диалекту и кёнгинскому говору нарымского диалекта. В качестве третьего решения можно предположить, что различающиеся фонологические интерпретации в рассматриваемом отношении для говоров тымского и нарымского диалектов обусловлены объективными различиями в более близких к Оби и в более «периферийных» говорах этих диалектов. Наконец, четвертым, совершенно отличающимся решением (правда, только для тымского материала) является мнение Н. В. Деннинг о том, что: а) звонкие согласные «вторичны» по отношению к глухим; б) различие между краткими и долгими гласными фонологически иррелевантно [20, с. 17, 75]. Повторимся, что наш собственный материал [17] говорит в пользу дифференциации рассматриваемых случаев на основании релевантного различия в длительности гласных, притом что характеристики согласных по глухости/звонкости (при нашем восприятии) значительно варьируются и одинаковым образом нестабильны как на Кёнге (нарымский диалект), так и в Напасае (тымский диалект).

Представим результаты дистрибутивного анализа кратких и долгих гласных кетского, нарымского и тазовского диалектов [2].

По первому критерию (рассмотрены анлаут, инлаут и ауслаут слова) наиболее независимой (сильной) позицией является позиция инлаута, в которой встречаются все имеющиеся в рассматриваемых диалектах селькупского языка краткие и долгие гласные. Позиции анлаута и ауслаута являются слабыми, однако правил дополнительной дистрибуции для кратких и долгих гласных альтернатив в этих позициях получить не удастся. Большинство гласных в этих позициях распределены контрастно, немногочисленные исключения обусловлены особенностями номенклатуры гласных в различных диалектах, а иногда различиями в фиксации селькупского материала различными исследователями или одними и теми же исследователями в разное время и в разных работах.

По второму критерию проанализированы две возможные позиции распределения долгих и кратких гласных (в открытом и закрытом слоге). Установлено, что как в открытом, так и в закрытом слогах слов кетского, нарымского и тазовского диалектов селькупского языка встречаются все краткие и долгие гласные, имеющиеся в диалектах,

т.е. гласные альтернанты распределены в обеих этих позициях контрастивно и от данного критерия не зависят.

По третьему критерию (длительность последующего согласного) рассмотрены два возможных положения кратких и долгих гласных (перед кратким (одиночным) согласным и перед долгим (удвоенным) согласным). По этому критерию ни один из кратких и долгих гласных альтернантов рассматриваемых диалектов не получил дополнительной дистрибуции. Подавляющее большинство (в кетском диалекте все) гласных распределены контрастивно. Если в единичных случаях в одном из положений возможен только один из альтернантов, то в другом положении возможны оба альтернанта, т.е. длительность последующего согласного не влияет на длительность предшествующего гласного.

По четвертому критерию изучены два возможных положения кратких и долгих гласных непервых слогов (после краткого (одиночного) согласного и после долгого (удвоенного) согласного). Ни для каких кратких и долгих гласных альтернантов исследуемых диалектов нельзя вывести правила дополнительного распределения в зависимости от позиции (положения) после краткого или после долгого согласного. Подавляющее большинство гласных распределены контрастивно. Так же как и по тре-

тьему критерию, длительность предшествующего согласного не влияет на длительность гласного.

На основании проведенного фонологического анализа гласных селькупского языка, различающихся по признаку длительность/краткость, выявлено независимое от фонетического окружения употребление кратких и долгих гласных альтернантов, установлена невозможность дополнительного или комбинаторного распределения кратких и соответствующих им долгих гласных, подтверждено наличие минимальных (квазиомонимических) фонологических пар слов, различающихся только длительностью гласного. Все это позволяет определить, что признак длительность/краткость является дифференциальным в подсистеме гласных фонем кетского, нарымского и тазовского диалектов селькупского языка, а краткие и долгие гласные селькупского языка являются разными фонемами.

Представленные в настоящей работе фрагменты трех исследований в области фонетики энецкого, нганасанского и селькупского языков являются уже несколько отнесенными по времени назад. Наука не стоит на месте, и мы будем только рады увидеть корректировку наших выводов в более современных работах других авторов. Но, чтобы это произошло, вероятно, требуется зафиксировать хотя бы отчасти те результаты, которые были получены нами ранее.

Список литературы

1. Быконя В.В. Эффемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 7. С. 77–83.
2. Глухий Я.А., Глушков С.В., Столярова А.К. и др. Очерки по фонетике исчезающих самодийских языков (эңцы, нганасаны, селькупы): анализ дистрибуции и фонемный состав. Томск, 2010. 159 с.
3. Якобсон Р., Фант Г., Хале И. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 231–278.
4. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960. 336 с.
5. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
6. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. 372 с.
7. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л., 1981. 199 с.
8. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.В., Зиндер Л.Р. Акустические характеристики безударности (на материале русского языка) // Структурная типология языков. М., 1966. С. 56–84.
9. Терещенко Н.М. К сравнительному изучению самодийских языков // Советское финно-угроведение. 1971. № 4.
10. Морев Ю.А. Некоторые фонетические процессы в обском говоре селькупского языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 55–57.
11. Castrén M.A. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. Bearbeitet von A. Schiefner. SPb., 1855. 404 S.
12. Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект // Языки и письменность народов Севера. Языки и письменность самоедских и финноугорских народов. М.; Л., 1937. Ч. 1. С. 53–74.
13. Терещенко Н.М. К проблеме соотношения агглютинации и флексии в самодийских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1964. С. 164–169.
14. Alatalo J.K. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. 465 S.
15. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М., 1980. Ч. 1. 408 с.
16. Кузьмина А.И. Грамматика селькупского языка. Ч. 1: Селькупы и их язык. Новосибирск, 1974. 265 с.

17. Glushkov S., Tuchkova N., Baidak A. The Kenga Sub-Dialect of the Selkup Language // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Hamburg: Buske Verlag, 2004. B. 26–27. S. 49–56.
18. Морев Ю. А. Глухость – звонкость согласных в селькупском языке (на материале среднеобского говора чумылькупов) // *Языки и топонимия*. 1977. Вып. 5. С. 13–26.
19. Katz H. Selcupica I. Materialien vom Tym // *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München*. München, 1975. Serie C. Bd. 1. 120 S.
20. Деннинг Н. В. Фонетика тымского диалекта селькупского языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1984. 278 с.

Глухий Я. А., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: gya@tpu.ru

Глушков С. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: sglu2000@mail.ru

Столярова А. К., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: stolyarova@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 10.01.2012.

Y. A. Glukhiy, S. V. Glushkov, A. K. Stolyarova

THE PHONETIC INVESTIGATIONS OF THE THREE SAMOYEDIC LANGUAGES (THE ENETS, THE NGANASAN, THE SELKUP)

For a long time modern linguistics has been taking a closer examination of the issues and facts related to endangered languages, i. e. languages which do not have the written form. In the given article we try to investigate the manifestation of the vowel and consonant phonemes in the Enets, the Nganasan and the Selkup languages on the basis of the audio-visual and experimental methods. We understand that current innovative linguistic research may bring about new results that will contribute to the better knowledge of these languages and their phonetic and phonological structures.

Key words: *the aborigines of Siberia: the Enets, the Nganasans, the Selkups; the audio-visual method, the distributive method, a phoneme.*

Glukhiy Y. A.

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: gya@tpu.ru

Glushkov S. V.

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: sglu2000@mail.ru

Stolyarova A. K.

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: stolyarova@tpu.ru